

РЪЧИ:

1) Александра Брянцева, священника юрьевской Успенской церкви.

Вотъ предъ нами печальный и душу раздирающій гробъ. Вотъ и еще отошла въ вѣчность, покончила всѣ свои земные расчеты безвременно угасшая жизнь. Но кого мы хоронимъ, кто въ этомъ гробѣ? Зачѣмъ здѣсь столько народа? Почему здѣсь такое огромное собраніе духовенства? Въ этомъ гробѣ лежитъ нашъ глубокоуважаемый и всѣми любимый нами отецъ протоіерей Николай Алексѣевичъ! Для однихъ онъ былъ настоятелемъ, для другихъ духовнымъ отцемъ, инымъ — начальникомъ, а съ иными входилъ въ тѣ или другія отношенія. И память о немъ, думаю, останется для насъ незабвенною, какъ по его жизни и дѣятельности, такъ и по его полнымъ любви и благожелательности отношеніямъ къ намъ.

Еще наканунѣ онъ бесѣдовалъ съ нами, все предположили ему еще много лѣтъ жизни. Но, вдругъ, настаетъ утро 9-го числа, его неизмѣнная подруга и спутница всей его мнотрудной жизни, его жена, удивившись, что такъ долго спитъ ее супругъ, когда въ это время онъ обыкновенно бодрствовалъ, идетъ къ нему—и что же находить?!.. Бездыханный трунъ?! Смятеніе, врачи, скорбныя рыданія и вопли, тяжкое горе. Совершился послѣдній актъ жизни, отошла въ вѣчность душа одушевлявшая это лежащее предъ нами тѣло. Оплакивая почившаго, постараемся поискать христіанское утѣшеніе въ этомъ фактѣ внезапнаго удаленія отъ насъ нашего незабвеннаго настоятеля и руководителя. Для этого, мнѣ кажется весьма благовременно будетъ хотя нѣсколько остановиться на душевныхъ качествахъ почившаго, остановиться на его жизни и дѣятельности и этимъ постараться хотя нѣсколько объяснить по нашему искреннему убѣжденію, причину ранней его смерти. Мнѣ кажется, что къ нему вполне относятся слова Спасителя: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и дамъ вамъ упокою вы*, придите ко Мнѣ тогда, когда я васъ позову, давая вамъ отчета, рано-ли это будетъ для васъ, по вашему человѣческому разсчету, или поздно, въ 3-й ли, 6-й или 9-й часъ вашей жизни, но позову васъ по вашимъ заслугамъ и по вашей жизни и дѣятельности. И если мы обратимся къ жизни и дѣятельности почившаго, то увидимъ хотя нѣкоторое объясненіе преждевременной смерти его. Позволь же намъ многоуважаемому отцу протоіерей хотя нѣсколько приподнять завѣсу твоей жизни. Выйдя изъ бѣдной семьи, какъ ты и самъ говорилъ, ты и учились въ бѣдности и нуждѣ, какъ бы закаливая себя для дальнѣйшей многотрудной и многоотвѣтственной жизни. И дѣйствительно это было необходимо! По окончаніи ученія, тебя, по неисповѣдимымъ путямъ промысла Божія, бросаетъ судьба въ среду совершенно чуждую тебѣ, къ народу незнаемому тобою, гдѣ не знаешь ни языка, ни обычаевъ, ни вѣрованій, ты вдругъ поставленъ на свѣщницѣ, чтобы руководить въ одномъ изъ процессовъ этого народа. Вотъ съ этихъ поръ и начинается для

тебя работа усиленная и трудная, иногда доводящая тебя до изнурения, не смотря на свѣжесть и юность твоихъ силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ не легко было изучить бытъ своего прихода, понимать прихожанъ на родномъ ихъ языкѣ, сродниться съ ними и жить одними съ ними интересами. Сколько труда для этого нужно было положить, сколько нужно было умѣнья и сколько силъ нужно было потратить? . . . Но ты все превозмогъ, — и чрезъ годъ, чрезъ два, ты уже сталъ на виду у всѣхъ, какъ дѣятельный, видный и энергичный человекъ, любимый и уважаемый прихожанами и оцѣниваемый своимъ ближайшимъ начальствомъ. . . . Но большому кораблю большое и плаваніе, — прихожане храма сего, вполне оцѣнившіе твой свѣтлый умъ, твою энергію и твое обхожденіе со всѣми имѣющими къ тебѣ нужду, рѣшаются утруждать начальство перевести тебя сюда. Начальство дѣйствительно переводитъ тебя, какъ способнаго, дѣятельнаго, умнаго энергичнаго человекъ; но вмѣсто отдыха ты втягиваешься здѣсь еще въ большіе и разнообразные труды. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ какъ ты дѣлаешься уже благопріятнымъ. Къ этому присоединяются обязанности законоучительства и много другихъ. Но обязанности слѣдуютъ за обязанностями. Начальство, видя въ тебѣ постоянно трудолюбиваго и скорого исполнителя своихъ порученій назначаетъ тебя настоятелемъ къ храму сему. Сдѣлавшись настоятелемъ ты по прежнему, и кажется, еще съ большей энергіей сталъ трудиться на пользу церкви и общества, не даромъ голова твоя покрыта была преждевременными сѣдинами. Да и сколько разъ ты говаривалъ, — съ какой бы радостью, устроишь семью, я ушелъ бы на отдыхъ. Но видно Господу Богу неудобно было дать земной покой, по всей вѣроятности зная, какъ Сердцевѣдецъ, что и при покой тебѣ не будетъ покоя, Онъ позвалъ тебя, когда уже мѣра возложенныхъ на тебя дѣлъ исполнилась, — къ вѣчному покою и отдыху. Думалъ ли я, гадалъ ли, что такъ скоро мнѣ придется обратиться къ тебѣ съ прощальнымъ привѣтомъ! Что скажу я тебѣ? Скорь такъ велика при видѣ твоего дорогого праха, что нѣмѣетъ языкъ.

Да, велика скорбь для насъ, любившихъ тебя. Но что можетъ сравниться со скорбію сиротъ, тобою покинутыхъ. Взглянѣ на нихъ. Давно ли они были дѣтски веселы и довольны судьбою, а что теперь?! . . . Горе и тоска раздираетъ ихъ душу. При видѣ тебя, — любимаго и нѣжнаго родителя, имъ еще не вѣрится, что ты ушелъ. Обвивая руками твой прахъ, они какъ бы хотятъ согрѣть, вернуть тебя къ жизни своими ласками. Оно и понятно! Ты былъ ихъ опора, гордость и радость. Ты, такъ сказать, составлялъ полноту ихъ жизни. Какой заботой и попеченіемъ окружала тебя твоя труженица супруга. Но Господу угодно было тебя взять къ Себѣ, чтобъ еще болѣе испытать силу и мужество этой труженицы, возложивъ тяжкое бремя и безъ того на ея не легкую жизнь. Ты вѣроятно давно чувствовалъ свой недугъ, сознавалъ и предугадывалъ близкую развязку, но оберегая покой и счастье своихъ дорогихъ сердцу, не говорилъ и не тревожилъ до послѣдней минуты, думая: пускай при мнѣ не знаютъ заботъ и горя, которыми еще много будетъ впереди. Да, ты былъ нѣжный и примѣрный отецъ и семьянинъ! Взгляни, родной, какой заботой и нѣжностью окружили твой прахъ твои покинутые сироты! Своей лаской и горемъ они какъ бы стараются отблагодарить тебя, за твою незабвенную любовь къ нимъ. — Сколько надеждъ возлагалъ ты на своего единственнаго сына! Какъ нѣжно и много заботился о немъ, думалъ въ лицѣ его выростить свои лучшія идеи и мысли! И вотъ волею Творца не удалось видѣть своего сына взрослымъ — покоющимъ и утѣшающимъ! Да, Миша! нѣжный и заботливый руководитель покинулъ тебя, завѣщая тебѣ трудъ и терпѣніе въ жизни. Постарайся оправдать благія надежды, какія онъ возлагалъ на тебя. Старайся быть и отрадой своей матери и родныхъ. — Что еще могу сказать въ утѣшеніе вамъ — осиротѣвшія дѣти! — Вы не разъ слышали, что Господь даетъ безболѣзненную кончину избраннымъ Его. И вотъ Господь удостоилъ такой кончины вашего отца, чтобы въ васъ сохранились свѣтлыя воспоминанія и представленія объ его личности, не видѣ его физическихъ страданій. Въ утѣшеніе вамъ остается еще

честное и незапятнанное имя вашего родителя, которое старайтесь сохранить. — Теперь позволь незабвенный начальник и другъ, сказать тебѣ отъ себя нѣсколько словъ. Прими мою и нашего причта благодарность за теплоту отношеній. Ты былъ не начальникъ намъ, а другъ, товарищъ и отецъ. Особенно я тебѣ обязанъ, какъ руководителю. Прими мою отдѣльную благодарность, второй отецъ мой! Горе мое такъ велико при потерѣ тебя, что право не можетъ вылиться въ словахъ. Я не мастеръ выражать чувства словами, но я убѣжденъ, что ты знаешь скорбь мою. Прими увѣреніе, что моя грѣшная молитва будетъ возноситься за тебя у престола Всевышняго, пока я живъ. Аминь.

2) Рингенскаго священника отца Конона Шорохова.

О, смерть, смерть! Какъ ты право неразборчива! Чтобы тебѣ взять себѣ какого нибудь дряхлаго человѣка, или хотя и не дряхлаго, но такого, для котораго бы слишкомъ тяжка была эта жизнь, или жизнью котораго весьма тяготились бы другіе?!. Нѣтъ, ты не такъ дѣлаешь! Кому бы еще жить и жить, того ты берешь къ себѣ. Вотъ возлюбленный собратъ нашъ сколько еще могъ бы жить, а ты—безжалостная унесла и его отъ насъ. Не поглядѣла ты на то, что у покойника есть нѣжно любящая жена, есть дѣти, требующія попеченій; не подумала ты, что имъ радовались близкіе къ нему; не было тебѣ дѣла до того, что на попеченіи его лежало спасеніе многихъ человѣкъ, для которыхъ онъ былъ отцемъ духовнымъ. Не поглядѣла ты на все это, — и вотъ уже въ послѣдній разъ мы видимъ собрата своего, раба Божія, протоіерея Николая. Сіе прекрасное древо, которымъ такъ многіе любовались, приносившее плоды, которыми многіе наслаждались, срѣзала твоя коса, — и вотъ оно завяло, засохло и долго... долго не оживетъ...!

Но смерть неумолима, и, можетъ быть въ это самое время, какъ мы горько жалуемся на нее, она похищаетъ такую же, если еще не болѣе достойную сожалѣнія жертву. Оставимъ же бесполезную жалобу на смерть, но обратимся лучше къ Отцу нашему небесному — Богу; вѣдь все, что ни дѣлается на землѣ